

Содержание

Жажда

Перевод с французского
Ирины Стаф

9

Книга сестер

Перевод с французского
Ирины Кузнецовой

101

Жажда

Я всегда знал, что меня приговорят к смерти. В этой уверенности есть свои преимущества: я могу уделять внимание тому, что его заслуживает, — подробностям. Я думал, суд надо мной станет пародией на правосудие. Он ею и стал, но не так, как мне казалось. Я представлял себе формальность, с которой быстро покончат, а мне дали право на судебное разбирательство. Прокурор предусмотрел все.

Один за другим проходили передо мной свидетели обвинения. Я не поверил своим глазам, когда явились новобрачные из Каны — те, для кого я сотворил первое чудо.

— Этот человек властен превращать воду в вино, — важно заявил супруг. — Однако он дожидался конца свадебного пира и лишь тогда использовал свой дар. Он упивался нашей тревогой и унижением, хотя с легкостью мог избавить нас от того и другого. Из-за него лучшее вино было подано после обычного. Он выставил нас на посмешище.

Я спокойно посмотрел в глаза своему обвинителю. Он выдержал мой взгляд, считал себя в полном праве.

Явился царедворец и рассказал, как неохотно я исцелил его сына.

— Как ваш сын чувствует себя сейчас? — не преминул спросить мой адвокат по назначению, самый бестолковый, какого только можно представить.

— Прекрасно. Велика заслуга! Такому магу довольно лишь слово сказать.

Тридцать семь человек, для которых я творил чудеса, вываливали перед всеми свое грязное белье. Больше всех меня повеселил бывший бесноватый из Капернаума:

— После изгнания беса моя жизнь стала совсем пресной!

Былой слепец пожаловался на уродство мира, былой прокаженный заявил, что ему больше не подают милостыню, синдикат рыбаков Тивериады обвинил меня в поощрении одной артели за счет остальных, Лазарь поведал, сколь отвратительно жить с трупным запахом, въевшимся в кожу.

Их явно не пришлось подкупать, даже уговаривать не пришлось. Все явились свидетельствовать против меня по доброй воле. Некоторые говорили, как им отрадно наконец выложить все, что накопело, в лицо преступнику.

В лицо преступнику.

С виду я спокоен. Мне стоило немалых усилий сдерживаться, слушая их излияния. Каждый раз я смотрел свидетелям в глаза — ласково и удивленно. Каждый

раз они выдерживали мой взгляд — надменно, презрительно, с вызовом.

Мать исцеленного мною младенца даже обвинила меня в том, что я ей испортил жизнь.

— Пока малыш болел, он лежал тихо. А теперь брыкается, орет, ревет, ни минуты покоя, я перестала спать по ночам.

— Разве не вы просили моего подзащитного вылечить сына? — спросил адвокат.

— Вылечить — да, но чтобы он был не таким не-сносным, как до болезни.

— Возможно, вам следовало оговорить этот момент.

— Но он же всеведущ, нет?

Хороший вопрос. Я всегда знаю Tt^1 , но никогда не знаю $P\acute{o}\zeta^2$. Мне ведомо дополнение прямое и косвенное, но не обстоятельства. А значит, нет, я не всеведущ: наречия я выясняю по ходу дела, и они меня поражают. Верно говорят, что дьявол в деталях.

На самом деле их не только не пришлось уговаривать быть свидетелями обвинения, но они сами страстно этого желали. Меня потрясло, с какой охотой каждый из них обличал меня. Причем без всякой необходимости. Все они знали, что меня приговорят к смерти.

Ничего таинственного в этом предвидении не было. Они знали мои способности и могли убедиться, что я не прибегнул к ним ради своего спасения. А значит, у них не было сомнений в исходе дела.

Зачем же им понадобилось непременно покрыть меня столь бессмысленным позором? Загадка зла —

1 Что (*греч.*).

2 Как, каким образом (*греч.*).

суший пустяк в сравнении с загадкой посредственности. Они свидетельствовали, и я ощущал их удовольствие. Они вели себя со мной как ничтожества и наслаждались этим. Единственное, чем они остались недовольны, — это что мое страдание было не слишком явным. Не то чтобы я хотел лишить их этой радости, просто удивление во мне было намного сильнее негодования.

Я человек, ничто человеческое мне не чуждо. И все же я не понимаю природы того, что владело ими, когда они извергали все эти мерзости. И считаю это непонимание своим упущением, провалом.

Пилат получил на мой счет указания, и я видел его досаду — не потому, что я был ему хоть сколько-нибудь симпатичен, просто свидетели раздражали в нем человека разумного. Мое изумление обмануло его, он захотел дать мне возможность возразить на этот поток глупостей.

— Подсудимый, тебе есть что сказать? — обратился он ко мне рассудительно, как к равному.

— Нет, — ответил я.

Он покачал головой, явно решив, что бесполезно протягивать руку помощи человеку, настолько безразличному к собственной участи.

На самом деле я промолчал, потому что хотел сказать слишком много. И если бы заговорил, не сумел бы скрыть презрение. А испытывать презрение для меня мука. Я достаточно долго был человеком и знал: некоторые чувства нельзя подавить. Важно дать им пройти, не пытаясь с ними бороться, тогда от них не остается и следа.

Презрение — спящий демон. В бездействии демон быстро зачахнет. Когда ты в суде, слова равноценны поступкам. Молчать о своем презрении значило не позволять ему действовать.

Пилат обратился к советникам:

— Свидетельства эти лживы, и доказательство тому — обвиняемый не прибегает ни к какому волшебству, чтобы себя освободить.

— Как раз по этой причине мы и требуем осудить его.

— Знаю. Лично я ничего иного не прошу. Только лучше бы у меня не создавалось впечатление, что я выношу приговор на основе какой-то околесицы!

— В Риме народ требует хлеба и зрелищ. Здесь ему нужен хлеб и чудеса.

— Хорошо. Если это политика, я не возражаю.

Пилат поднялся и объявил:

— Подсудимый, ты будешь распят.

Мне понравилась его экономия языковых средств. Дух латыни не терпит плеоназма. Скажи он: “Приговариваю тебя к смерти через распятие”, мне было бы противно. Распятие не имеет иного исхода.

И все же его слова, произнесенные вслух, произвели впечатление. Я взглянул на свидетелей и почувствовал их запоздалое смущение. Но ведь все они знали, что меня осудят, и в своем рвении активно способствовали такому приговору. А теперь делали вид, что находят его чрезмерным и потрясены варварской казнью. Кое-кто пытался перехватить мой взгляд, выразить свое несогласие с тем, что должно произойти. Я отвернулся.

Я не знал, что умру так. Нешуточная новость. Первым делом мне пришла мысль о боли. Разум уклонился от нее: нельзя постичь подобную муку.

Казнь через распятие карают лишь за самые постыдные преступления. Такого унижения я не ожидал. Значит, вот чего потребовали от Пилата. Нет смысла теряться в догадках: Пилат не воспротивился. Он должен был приговорить меня к смерти, но мог, например, выбрать обезглавливание. В какой момент я разозлил его? Наверное, когда не отрекся от чудес.

Я не мог солгать — эти чудеса в самом деле сотворил я. И, вопреки утверждениям свидетелей, они стоили мне неслыханных усилий. Меня никто никогда не учил искусству чудотворства.

Тут мне пришла в голову забавная мысль: по крайней мере, пытка, что меня ждет, не потребует никаких чудес. Достаточно просто не сопротивляться.

— Его распнут сегодня? — спросил кто-то.

Пилат задумался, взглянул на меня. И наверное, увидел, что чего-то не хватает, потому что ответил:

— Нет. Завтра.

Когда меня снова отвели в камеру и оставили одного, я понял, что он хотел заставить меня испытать: страх.

Он был прав. До этой ночи я толком не знал, что это такое. В Гефсиманском саду, накануне ареста, слезы мои были вызваны печалью, оставленностью.

Теперь я познавал страх. Не страх смерти, самую расхожую абстракцию, но страх распятия — очень конкретный страх.

Я убежден, убежден неподдельно, что воплощен сильнее любого человека. Когда я вытягиваюсь, ложась спать, эта простая расслабленность тела доставляет мне столько удовольствия, что я еле сдерживаю стон. Я бы вздыхал от наслаждения над самой скромной похлебкой, над чашей воды, даже тепловатой, если б не призывал себя к порядку. Случалось, я плакал от удовольствия, вдыхая утренний воздух.

Обратное тоже проверено: самая легкая зубная боль мучит меня непомерно. Помню, я проклинал судьбу из-за какой-то занозы. Эту свою вторую, измененную природу я скрываю, как и первую: она не вы-

жется с тем, что я призван собой представлять. Очередное недоразумение.

За тридцать три года жизни я убедился, что воплощение есть величайший успех моего отца. Чтобы бес-телесной силе пришла мысль изобрести тело — это гениально до невероятия. Как мог творец не пора-зиться своему творению, последствий которого он не понимал?

Хочется сказать, что потому-то он меня и поро-дил, но это неправда.

А был бы хороший повод.

Люди жалуются на телесное несовершенство, и они правы. Все объясняется источником: чего бы стоил дом, начерченный бездомным архитектором? Отлично выходит лишь то, чем каждый день поль-зуешься. У отца никогда не было тела. И по-моему, в своем неведении он справился просто потрясающе.

Страх мой был в эту ночь физическим голово-кружением при мысли, что мне предстоит вытерпеть. От истязаемых ждут, что они будут на высоте. Если они не орут от боли, все говорят об их мужестве. Подозреваю, речь о чем-то другом; о чем именно, увижу.

Я страшился гвоздей, которыми мне пробьют руки и ноги. Глупо: наверняка будут муки намного сильней. Но это я, по крайней мере, мог себе вообразить.

Тюремщик сказал:

— Постарайся уснуть. Завтра тебе понадобятся все силы. — И добавил, заметив мой ироничный взгляд:
— Не смейся. Чтобы умереть, надо быть здоровым. Я тебя предупредил.